

Сегодня, когда тускнеют идеалы образования, а иными просветителями не осознается даже национальная идея, им кажущаяся неким анархизмом, полезно вспомнить о реформах и традициях.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор. С 1987 по 2006 г. — директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Кольцов», «Некрасов», «Я лиру посвятил народу своему: о творчестве Н. А. Некрасова», «Пушкин. Русский гений», «Современники и продолжатели». Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки», «О культуре». Президент Пушкинского фонда «Классика». Председатель Пушкинской комиссии РАН. Награжден орденами Почета, Дружбы, князя Даниила III, II степеней Русской православной церкви.

Н. Н. Скатов¹

РЕФОРМЫ И ТРАДИЦИИ

Спасительные идеи традиционны. И сегодня первым условием и предпосылкой утверждения русской национальной идеи должна стать мысль о спасении нации. Что толку в любых национальных идеях, если самой нации не будет?

И чтобы это спасение стало возможным в атмосфере очевидного разброда, должно восстановить в сознании нации чувство родства, чувство соприродного единства с национальными традициями, запечатленными во всей полноте великой русской культуры и самом духе народа.

На каждом историческом этапе российская общественная жизнь оказывается перед необходимостью осознать в отношении к своему времени коллективный всероссийский опыт в его связи с лич-

ным и общим, элитным и массовым, массовым и народным, национальным и многонациональным. И такое осознание, в сущности, представляет собою традиционную задачу исторического развития русской нации в разные периоды ее истории. И каждый раз эта задача возникает в новых условиях, а потому и решается разным образом.

Русская школа, о которой сейчас продолжают споры и которая оказывается вновь предметом широкомасштабных разрушительных экспериментов, напрямую связана с задачей спасения нации. Ею определяются судьбы восприятия фундаментальных основ национальной культуры, на которых зиждутся меняющиеся экономические формации, культурные традиции, проходящие через столетия. Их игнорирование стоит в том же ряду, что и нарушение законов природы.

И эти традиции сейчас под угрозой. На одном из собраний Российской академии наук тревожно прозвучало: мы должны строить рыночную экономику, но не рыночное общество. Ведь общество, если оно претендует на название человеческого общества, часто даже требует не того, чего требует рынок.

Прагматический подход — враг культуры, ибо она требует идеального, целостного и душевного отношения. В то же время нива жизни без культуры постепенно (но достаточно скоро) превращается в выжженное пространство, на котором процветает не человек, но потребитель, то есть уже жалкое подобие человека, способное только на дальнейшее вырождение.

Сегодня принято говорить о провале таких реформ и о горе-реформаторах. Но тогда почему они, эти реформаторы, так самодовольны?!

Действительно, реформы с точки зрения тех задач, что, очевидно, ставили перед собой реформаторы, проведены просто блестяще. Фундаментальная наука закладывается в школе. Общепринято считать (во всяком случае с европейской точки зрения), что в человеческой истории культуры было три заметные эпохи. Помимо Античности и европейского Возрождения, это русская литературная классика, лучшее, по словам Горького, что создано нами как нацией.

И на эту литературу сейчас идет упорное, последовательное и целенаправленное наступление. На первый взгляд в таком потеснении прошлого есть известный смысл. Да, прошлое — великое, достойное, прекрасное, но... прошлое. Ведь жить нужно настоящим и будущим.

Был в свое время примечательный фильм «Воспоминание о будущем». Так вот, наша литературная классика и есть такое воспоминание о будущем.

В XIX веке мы имели счастье обрести Пушкина, ставшего не только выразителем национального опыта, но и школой мировой духовной жизни, своеобразной всемирной энциклопедией, одновременно вместившей Овидия и Анакреона, Шекспира и Гете, Шенье и Байрона, Саади и Гафиза, и оставшегося прежде всего русским национальным поэтом, все творчество которого было «эхо русского народа».

С тех пор русская литература постоянно дарит нам национальных гениев, прозревающих в судьбах народных. Недаром Некрасов сказал: «...и песни вещие Кольцова». И нам еще только предстоит осознать вселенскую мощь и силу власти земли у этого поэта. Недаром поэт Афанасий Фет поэта Федора Тютчева назвал вещим, и нам еще только предстоит освоить тютчевскую историософию, о которой начали догадываться только в начале XX века. Недаром в Достоевском видели пророка и настоящих и, не дай Бог, грядущих революций. Недаром и сам Достоевский увидел в Пушкине уже абсолютно пророческое явление. Одно время в ходу была фраза: «Вперед к Пушкину», а совсем недавно большой и чуткий писатель Андрей Битов сказал о Пушкине как о преждевременном явлении, то есть как о человеке, далеко обогнавшем и свое, и наше время, созданным, так сказать, на вырост, на исторический вырост. Так что, отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего.

Что касается реалий настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние. Она исповедует духовно-нравственные традиционные ценности. Она говорит: «Не убий». А слишком многое в нашей жизни (и в литературе тоже) как раз наставляет: «Убий». Она учит: «Не укради». А слишком многое в нашей жизни (и литературе тоже) учит: «Уворуй». Она запрещает: «Не прелюбодействуй», а слишком многое (и в литературе тоже) славит Содом уже в геометрических размерах.

Конечно, мы живем в новом, подвижном, бесконечно изменяющемся мире, но только в школе и на литературной классике дети могут получить необходимые профилактические, нравственные прививки, которые могут предотвратить многие болезни и ослабить их течение.

Все то, что часто представляется авангардом и несет соблазнительную прелесть новизны, по сути, является тылом (увы, не дающим тылового обеспечения), обозом и навозом буквально: уже разработана целая своеобразная поэтика дерьма. «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек», — сказал поэт. Все и всякие. И прогресс, обеспечивающий само по себе лишь довольство, изобилие и потребление этого изобилия, может быть, так же реакционен, как прогресс, влекущий к нищете и неприкаянности. Пример — фашистская Германия, достигшая в свое время такого благополучия и пребывавшая в нем.

Воспитание человека вообще, может быть, самый тяжкий труд: «Душа обязана трудиться...»

И не дай Бог, если будет совершаться такое обрушение человека в результате таких успешных реформ в сфере образования, конечно, успешных, с точки зрения реформаторов, как это произошло с другими успешными реформами, столь блестяще осуществленными.

Можно только предположить, сколь сложно положение в этих условиях истинных созидателей

в деле образования, зачастую находящихся не у дел, и сколь мощное давление с разных сторон и разными силами на них оказывается.

Но ведь дело сопротивления вооруженному злу (а зло сегодня особенно изощренно вооружено всем, вплоть до дьявольских технологий манипулирования сознанием) никогда не было легким.

А ведь все начинается со слова. И вряд ли случайно переименование самого министерства из Министерства просвещения, как оно было названо в начале позапрошлого века, то есть несущего свет, в Министерство образования, а образовать можно что угодно и кого угодно. Тем не менее и в этих условиях ведомство не должно забывать об этой изначальной светоносной задаче, тем более что почва народной жизни, несмотря ни на что и вопреки всему, все еще остается доброй. Ведь стоило показать по телевидению сериал по роману Достоевского «Идиот», как, по свидетельству книготорговцев, он был буквально сметен с прилавков.

Разве это не говорит об истинных глубоких потребностях самых широких масс. А нас облыжно уверяют, что классика «не востребована», а ее выда-

ющиеся произведения непреходящего значения современными хозяевами СМИ демонстративно объявляются «нерейтинговыми».

Может быть, это происходит именно потому, что эти «судьи» знают: мы вступили в историческую эпоху, которая требует от нас чрезвычайных мобилизационных усилий и напряжений, и без опоры на фундаментальные культурные ценности мы просто пропадем. Похоже, что такая опасность не до конца осознана и теми, кто отвечает за судьбу нации прежде всего перед лицом собственной совести.

Пока еще это понимает значительная часть учительства. Но уже далеко не все. Хотя и во времена Д. И. Менделеева и В. В. Розанова дело обстояло не просто. И вопрос о подготовке «надлежащих учителей», и понимание участниками сферы образования того, что «просвещение есть высшее земное дело, есть украшающее и возвеличивающее человека занятие» (В. В. Розанов) (добавим: крайне необходимое не только для процветания, но и для простого выживания такой страны, как Россия), становится решающим в судьбе нации. От него в конечном счете будет зависеть все в ее будущем.